

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович – доктор социологических наук, профессор прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: solodnikovv@mail.ru

СОЛОДНИКОВА Ирина Витальевна – доктор социологических наук – профессор факультета психологии РГГУ. E-mail: 14a20ivs@mail.ru

Продолжение анализа жизненных ценностей и психологии людей «среднего возраста», их роли в жизни общества. Для многих из них социально-экономические реформы 1980-19990 годов стали тяжелым испытанием, к которому они не смогли приспособиться. Вторичная социализация не всем удалась, отсюда ощущения разочарования, «заикленности» на прошлом. В то же время многие люди этого поколения являются руководителями хозяйственных государственных и творческих организаций, носителями традиций и моральных норм.

Ключевые слова: средний возраст; типология Я-идентичности: хранители, достиженцы, аутсайдеры и негативисты; установки в отношении гендерных ролей.

Нашим респондентам было предложено разделить весь жизненный путь человека на четыре части: детство, молодость, зрелость и старость (зрелость является в данном случае синонимом “среднего возраста”) и назвать начало и окончание каждой части. Судя по ответам, неопределенность границ этапов жизни от молодости к старости возрастает: окончание детства — начало молодости варьирует от 13 до 18 лет, а окончание зрелости — начало старости — от 35 до 70, причем в последнем случае нередки ссылки на “индивидуальность, непредсказуемость”. Некоторые респонденты называли “зрелостью” возраст 80 и даже 90 лет.

Определяя окончание детства и начало молодости, опрошенные использовали преимущественно хронологические критерии: “...с 13-ти, с 14-ти, когда уже себя считаешь

взрослым человеком... хочется романтики, любви, чувств каких-то, открытий...”; “...детство у меня закончилось рано, лет в 15–16. Я тогда школу заканчивал, и мне надо было думать о будущей профессии... пошел в профессиональное училище по пошиву мужской одежды и еще в вечерней школе учился. Там уже стал деньги зарабатывать, практика началась...”; “...до того, как человек становится студентом, что-то более-менее начинает осознать, какие у него выборы, что он может решить для себя...”.

При определении окончания молодости — начала зрелости фигурируют уже преимущественно социальные маркеры: “...это институт, учеба... зрелая жизнь, когда семья, дети...”; “...после 40 начинаешь задумываться над тем, что у тебя пройдено и что впереди. Фактически, уже ждешь старости... И начинаешь задумываться, дальше-то как?...”.

А окончание зрелости — начало старости оценивается с помощью психологических, дополняемых биологическими (физиологическими) критериями: “...старость начинается, когда ты чувствуешь в себе какие-то изменения, скажем, в сексуальной жизни... интересы другие появляются, хочется стабильности”; “...от 40 до 50 вообще считается критическим возрастом для мужчины... Как-то чувствуешь себя неуверенно...”; “...когда мне будет 60, я психологически еще буду считать, что нахожусь в вполне зрелом возрасте...”; “...я себя до сих пор молодой чувствую по душе, но по возрасту уже не подхожу к молодому человеку...”; “...с болезнями старость приходит...”; “...зрелость продолжается, пока человек себя чувствует нормально. Некоторые в 50 чувствуют себя стариками, одряхлевшими морально, не физически даже. А некоторые и в 90 с удовольствием живут, и новые проекты у них, и жизнь интересная самодостаточная...”; “...вот фотография моей мамы. Вот скажите, что ей 71 год. Она бегаёт, ещё шороху даст...”; “...наверное, молодость продолжалась очень долго ” мне кажется, до сих пор продолжается. Я чувствую себя в возрасте 35 лет... Я не чувствую себя в поздней зрелости, я в душе очень молодая”; “...старость начинается не по возрасту, а по внутреннему состоянию, по отношению к жизни. Старость — это не возрастная категория... человек сам себе объясняет, что он уже старый...”; “...некоторым кажется, что в 35 лет он почти старик, а мне кажется, что 45 — это начало. В 45 тебе дают паспорт, и ты понимаешь, что он последний... это странное ощущение — все только что началось... А дальше у всех тоже по-разному. Потому что у кого-то в 35 начинается абсолютный старческий маразм, а кто-то, как академик Гинзбург, в 90 с лишним в здравом уме... это абсолютно непредсказуемо...”; “...зрелость может быть до любого возраста, на сколько хватает сил, как каждый ощущает. Это индивидуально”.

Осуществленное респондентами деление жизни на отрезки подтверждает идею П. Балтеса и его коллег о том, что в детстве наибольшее значение имеют биологически обусловленные факторы, в молодости достигают пика когортные различия, на центральных этапах жизненного пути вес этого фактора минимален, а к концу жизни он снова возрастает, не достигая, однако, первоначальных значений. Иллюстрацией точки зрения ученых служат высказывания наших респондентов. Интересно, что некоторые из них предложили не хронологический критерий начала молодости, а событийный, например, — рождение ребенка: “...где-то с 14 лет до замужества... Потом другая жизнь пошла — она хоть и молодая, но немножко в другом качестве... (женщина, 52 года); “...на мой взгляд, если появился ребенок, то детство кончилось” (женщина, 51 год); “...институт до 24-х лет. Это была юность, а после у меня началась взрослая жизнь. Я женился в 22 года, у меня был ребенок, и мне приходилось уже думать о семье...” (мужчина, 43 года); или первые шаги в профессиональной карьере: “...молодость — это студенческие годы и первые годы после учебы, когда человек определяется, ту ли он нашел специальность, профессию, которая его действительно интересует...” (мужчина, 42 года).

Для одного респондента таким событием явилась служба в армии: “...закончил ПТУ, получил диплом, соответственно, это у меня как бы молодость шла. Взрослая жизнь началась, конечно, после призыва в армию” (мужчина, 51 год).

Учитывая, что «...в социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с “демографическим” поколением (совокупностью людей одного возраста), с определенными значимыми “поколенческими” группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)»³⁸, было решено охарактеризовать респондентов путем выделения их типичных черт и наиболее значимых событий. Участникам биографических интервью и фокус-групп было предложено: составить коллаж на тему “Мое поколение”; описать свое поколение несколькими словами (прилагательными); и далее, в ходе индивидуальных интервью объединить социальные события (по составленному нами перечню) в три группы по степени важности лично для каждого опрошенного.

Коллажи респондентов содержали различное количество изображений. Среди них чаще всего встречались политические деятели или бизнесмены с артикулированной политической

³⁸ Левада Ю.А. Поколение XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Левады Ю., Шанина Т. – М.: НЛО, 2005. – С. 40-41.

ролью. Из политиков с большим отрывом лидирует Л. Брежнев. Это вполне закономерно, поскольку взросление и вхождение большинства респондентов в взрослую жизнь происходило именно в период его правления. Встречались также В. Ленин, Ю. Андропов, К. Черненко.

Персонифицированными символами начинающихся перемен, затронувших анализируемое нами поколение, выступили М. Горбачев, Б. Ельцин и А. Сахаров. Кроме того, в коллажах известные россияне (Р. Абрамович, И. Хакамада, М. Ходорковский), добившиеся успеха и оказавшие влияние на политику.

Респонденты не обошли вниманием зарубежных деятелей, игравших значительную роль на мировой политической сцене в годы, когда происходило взросление участников исследования (Дж. Кеннеди, принцесса Диана, М. Тэтчер).

В следующую персонифицированную группу вошли представители бизнеса, эстрады, кино и музыки. Здесь лидируют А. Макаревич, А. Пугачева, В. Высоцкий, В. Цой и Б. Гребенщиков. Среди зарубежных исполнителей — группы ABBA, Kiss, Beatles, Deep Purple, изображения афиши рок-оперы “Иисус Христос — суперстар” и Дж. Леннона; среди деятелей кино — В. Тихонов (в роли Штирлица) и Э. Рязанов, творчество которых символически отражает специфику изучаемой нами группы. Как проявление ностальгии можно интерпретировать тот факт, что многие респонденты включили в свои коллажи кадры из старых советских фильмов, а также изображения цирка и балета (без конкретных артистов). Видимо, это воспоминания о том, что наш балет считался лучшим в мире, а цирк — любимым зрелищем опрошенных, когда они были детьми. А изображение афиши фильма “Рембо”, возможно, свидетельствует о том, что в памяти этого поколения сохранились воспоминания о том, как на наших экранах появились американские боевики.

Частью коллажей оказались любимые герои детских мультфильмов: “38 попугаев”, Чебурашка, Вини-Пух, Карлсон. Нередко встречаются и персонажи американских мультфильмов, появившихся в России сравнительно недавно.

Примечательна заставка в одном из коллажей киножурнала “Фитиль”, который в советское время нередко предварял показ художественного фильма и был легитимной формой критики бюрократически-номенклатурного абсурда “на местах”.

Из книг в коллажах присутствуют роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита” и Большая Советская Энциклопедия (БСЭ).

Наиболее яркий архитектурный символ поколения “среднего возраста” — Красная площадь. Позиционирование ее как “сердца” страны не стерлось из памяти людей, взрослых в советское время и сталкивавшихся с этим символом начиная с букваря. Далее следуют Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ), скульптура В. Мухиной “Рабочий и колхозница”, Белый дом в момент его штурма и Берлинская стена во время ее разрушения. Приметы повседневной жизни советской эпохи — черно-белые фотографии городских улиц с редкими автомобилями.

Некоторые опрошенные включили в свои коллажи изображения церквей. Один респондент на фоне церкви поместил кафе Макдональдс (вероятно, как символ глобализального образа жизни, проникшего в Россию).

Значительное место в коллажах занимают идеологические символы Советского Союза: герб СССР, демонстрации трудящихся, съезды КПСС, Знак качества, октябратский, пионерский, комсомольский значки, горн, пионерский галстук, пионерская линейка, сами пионеры. Особое место занимает Звезда Давида, вероятно, как знак начавшейся еврейской эмиграции из страны.

К реалиям “уходящей природы” можно отнести и логотипы печатных изданий: “Правда”, “Известия”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”, “Работница”, “Советский экран”; вырезки из газет советского времени. Журнал “Мурзилка” и заставки к телепередаче “Спокойной ночи, малыши” и киножурналу “Фитиль” отражают запомнившиеся реалии детства.

Существенное влияние на поколение оказало освоение космоса и успехи СССР в этой области. Свидетельством тому являются изображения Ю. Гагарина, стыковки кораблей Союз-Аполлон, космической ракеты, лунохода и космонавта.

Из общественных событий, включенных в коллажи, необходимо упомянуть Олимпиаду-80.

Значительное место в субъективном пространстве респондентов занимают события, связанные с войной и Вооруженными силами: Парад Победы, ветераны Великой Отечественной войны, атомный взрыв, вывод войск из Афганистана, солдаты, военный корабль. Присутствуют иллюстрации вооруженного противостояния времен постсоветской эпохи, а также изображение спецназа, задействованного для контроля мирных демонстраций.

Среди предметов символического потребления лидируют автомобили, причем как отечественные, так и современные зарубежные модели. В нескольких коллажах изображены частные дома как индикатор перемен, легализовавших частную собственность. Еще один символ потребления — джинсы. Официальная идеология клеймила их как проявление “мещанства”, подверженности буржуазной пропаганде, а советская молодежь предпринимала неимоверные усилия, чтобы купить их у спекулянтов-“фарцовщиков”. В одном из коллажей помещено изображение отечественной жевательной резинки, видимо, как память о вожделенном предмете обладания в детстве.

Что касается современных форм символического потребления, то рестораны, казино, показы мод и эстрадные шоу, скорее, демонстрируют социальное расслоение изучаемого поколения, ведь они доступны и желанны далеко не для всех.

В коллажах присутствует и тема отдыха, причем чаще всего показан отдых “дикарем”, характерный для советского времени: катание на лыжах, походы в горы, сплавы на байдарках, салют, парковые аттракционы. Современный туризм представлен как в виде рекламы, так и в фотографиях зарубежных городов, посещение которых прежде было недоступно.

Из продуктов питания встречаются советские “дефицитные” (колбаса, пиво жигулевское, мармеладные дольки), доступные и “типично” русские (яблоки, водка), а также исчезнувшие (разливное молоко из бочки). Из продуктов, появившихся в обиходе россиян в последние годы — пиво “Гиннес” и сок J7. Наиболее яркое выражение наступившего продуктового изобилия — коллаж фруктового магазина, прилавки которого завалены экзотическими фруктами.

Еще одна содержательная сторона жизни в советское время встречается только в коллажах женщин. Это изображения молодой матери с маленьким ребенком на руках, семьи, улыбающейся девушки и свадьбы. Возможно, здесь отражается “женская” точка зрения на более благоприятные в ту пору социальные условия для жизнедеятельности семьи и реализации материнства.

Выразительный символ эпохи “развитого социализма” — очереди. К ним примыкает фотография переполненного городского автобуса. В этом же ряду пустые полки продуктовых магазинов. Неоднократно встречаются изображения глобуса (символ интереса к другим странам?), студенческой жизни на “картошке”, автоматов с газированной водой, игрушечных

советских солдатиков, пения под гитару, советских проигрывателей и магнитофонов, которые слушали и под которые танцевали наши респонденты в молодости.

К повседневным символам ушедшего времени можно отнести изображение денег, советский паспорт, значки, посвященные БАМу, трудовую книжку, профсоюзный билет, Почетную грамоту, заявку на рационализаторское предложение; открытки советских времен; продовольственные талоны; почтовый конверт советского образца и автобусный билет.

Примечательно, что в коллажах чаще всего встречаются дети. Далее с точки зрения этапов жизненного цикла присутствуют юность, молодость. Зрелость представлена в основном в контексте профессиональных ролей. Изображения пожилых людей встречаются лишь дважды.

Привлекает внимание коллаж, где респондент поместил человека связанного и человека летящего. Видимо, это призвано отразить перемены, произошедшие в течение жизни наших респондентов (от “пут” социализма к “полету” современных возможностей). Насколько успешно они сумели воспользоваться предоставленными возможностями — вопрос отдельный.

Приведенные данные лишь частично совпадают с весьма категоричным выводом Б.В. Дубина о том, что “...для действительно общих воспоминаний не существует, не создается и не остается другого языка, кроме рутинно-героизирующего любой вновь наступающий общегосударственный праздник, массивованно транслируемый по телевидению”³⁹. Как свидетельствуют коллажи, в памяти поколения 40-летних прочно запечатлелись идеологические символы, но есть место и для частной жизни, и для российской контркультуры, и для западной поп-культуры, и для замалчиваемых социальных феноменов (еврейская эмиграция), и т.п. Другое дело, насколько адекватен язык массовых письменных закрытых вопросов собственному языку респондентов. Пожалуй, коллажи и их последующее комментирование предоставляют для этого больше возможностей.

Чтобы лучше понять мироощущение россиян “среднего возраста”, важно представить, каким они видят “портрет” своего поколения.

³⁹ Левада Ю.А. Поколение XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Левады Ю., Шанина Т. – М.: НЛО, 2005. – С. 78.

Интерпретация своего поколения достаточно широка и включает в себя два поколения россиян по классификации Фонда общественного мнения (ФОМ)⁴⁰: “сусловское” — 1960–1967 гг. рождения и “брежневское” — 1952–1959 гг. рождения. Ю. Левада предлагает несколько иную классификацию: поколения “оттепели” — 1953–1964 гг. и “застоя” — 1964–1985 гг. рождения⁴¹. При этом он отмечает, что предложенная им типология “...предполагает взгляд на общество как бы “сверху”, со стороны элит, формирующих значения событий и периодов... смена поколенческих типов в наиболее массовых “низовых” группах городских и сельских жителей детерминируется другими факторами и имеет другую хронологию...”⁴².

Наша интерпретация “среднего возраста” наиболее близка к пониманию В. Семеновой доперестроечного поколения россиян (время рождения 1940–1960, время реализации — 1960–1980)⁴³.

При конструировании обобщенного “портрета” своего поколения (и его типичного представителя) самими респондентами обычно отмечались его уникальные и положительные качества, среди которых можно выделить несколько основных групп, отличающих это поколение от других.

1. Самая многочисленная группа — личностные качества. Здесь доминирует соотношение (или даже подчинение) личных целей с общественными приоритетами, что проявляется в ориентации на хорошие межличностные отношения и сложившиеся нормы и правила. Для выстраивания жизненной стратегии важнее, скорее, эстетический критерий (“красиво прожить жизнь”), чем утилитарно-прагматический⁴⁴, оцениваемый по финансовому успеху.

Среди позитивных личностных качеств 40-летних — чувство юмора; доброта; доверчивость; искренность, совесть; порядочность; справедливость; бескорыстие; отсутствие наглости, настырности; жизнерадостность, оптимизм, стремление красиво прожить жизнь; стремление к совершенству; культурность, духовность; увлеченность, активность;

⁴⁰ См.: www.fom.ru

⁴¹ Левада Ю.А. Цит. Соч. - С. 43–44.

⁴² Там же. - С. 44.

⁴³ Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию “поколение” в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. - М.: НЛО, 2005. - С. 88–89.

⁴⁴ В повседневной жизни, согласно Википедии, прагматик — это человек, который выстраивает свою систему поступков, дел и взглядов на жизнь в аспекте получения практически полезных результатов.

миролюбие; дисциплинированность, ответственность, надежность; коллективизм, общительность; честность; обязательность, пунктуальность.

По мнению В. Семеновой, эта генерация отличается “сильно выраженной рефлексией относительно образованности людей своего поколения... и по объективным показателям... является самым высокообразованным”⁴⁵. Наши данные свидетельствуют о том же.

2. Позитивные профессионально-экономические качества, отражающие различные варианты достигнутого благосостояния (от бедных до состоятельных) с акцентом на собственные усилия и самореализацию в профессии: “хозяева жизни”, самореализованные, достигшие чего-то, состоявшиеся, “локомотив” нашего времени, выдающиеся; профессиональные; предприимчивые, инициативные, пытливые, смелые, работоспособные, работающие трудолюбивые; достигшие результата своим трудом; талантливые; бедно, но честно и достойно живущие.

3. Позитивные идеологически-мировоззренческие качества, подчеркивающие заданную извне и в разной степени усвоенную официальную советскую идеологию. С одной стороны, на новом, более высоком социальном уровне в этом вновь проявляется групповой “слой” идентичности представителей данного поколения (важно принадлежать некой общности — от трудового коллектива и семьи до “советских” людей), а с другой — эти качества акцентируются по контрасту с ценностными “вакуумом” (пост)перестроечных лет в стремлении найти идеологическую “точку опоры” в своем советском прошлом, а также при сравнении с молодежью.

4. Позитивные параметры жизненного опыта и адаптации. Жизненный опыт каждого поколения уникален, но именно россияне “среднего возраста”, личность которых формировалась в условиях коммунистической идеологии и государственной экономики, строили свой профессиональный путь и семейную жизнь в иной социально-экономической ситуации, сопровождавшейся экономическими и политическими кризисами, военными конфликтами и т.п. С точки зрения таких людей, у них накоплен уникальный жизненный опыт адаптации к сложным, быстро меняющимся социальным условиям. При этом подчеркивается важность собственного здоровья как ключевого ресурса выживания. Они следят за своей физической формой; побитые жизнью, но не унывающие.

⁴⁵ Семенова В.В. Указ. Соч.- С. 96.

Обратимся теперь к позитивным личностным качествам россиян “среднего возраста”, которые одновременно присущи и им, и современникам (более молодым или сверстникам).

Совпадающие качества объединятся в четыре основные группы — этические, общекультурные, профессионально-трудовые и семейные.

1. Этические: порядочные, терпимые.

2. Общекультурные: читающие (начитанные), интеллигентные, вежливые, воспитанные, культурные.

3. Профессионально-трудовые: целеустремленные, образованные, работоспособные, наемные работники, материально обеспеченные.

4. Семейные: чадолюбивые семьянины, интересующиеся детьми, заботящиеся об их образовании.

В отношении своего поколения более детально описана работоспособность (“умеющие работать”, “трудолюбивые”, но старшее поколение еще “более сумасшедшее в отношении работы”), а у современников — количественные параметры семьи (“не более двух детей; брак или первый, или второй с маленьким ребенком”).

Удачно вписавшиеся в новые времена представители “среднего” возраста, сохранив этические и общекультурные приоритеты, отказались от мировоззренчески-идеологических нормативов. При этом они стремятся сбалансировать интересы работы и семьи, даже смещая акцент на последнюю, прежде всего за счет отказа от предпринимательства и предпочтения роли исполнителя — наемного работника.

При сравнении образов своего поколения и современников обращает на себя внимание более внушительный перечень “своих” недостатков. В основе разнообразных негативных проявлений поколения 40-летних (страх, покорность судьбе, отказ от карьеры, от состоятельности, “спускание” вниз к “обычной” жизни, цинизм, “бегство” в детство или в прошлое) лежит ощущение проигранности жизни. Они запуганы, не стремятся к переменам, не хотят бороться, закомплексованные, усталые, неверящие в изменения, “плывущие по течению”, опустившиеся (готовые к снижению статуса), глупые, обманутые, разочарованные, недовольные своей судьбой (окружающими), инфантильные, идеализирующие прошлое (“профсоюзные путевки, низкие цены...”), псевдорелигиозные, потерянные во времени.

Образ типичного представителя своего поколения весьма красноречиво описала одна участница исследования: “довольно забитая тетенька с детьми, с пьющим мужем или без одного, без копейки, пытающаяся как-то свести концы с концами”.

В то же время не зафиксирована такая доминирующая именно в этом поколении черта, как осознание “своей нереализованности, невостребованности”⁴⁶.

Базовой характеристикой поколения, возможно, следует считать многообразие его представителей, что задает различные стили жизни, наборы ценностей или их синкретичное сочетание (“поколение-трансформер”). Сейчас трудно сказать, является ли многообразие жизненных траекторий закономерным следствием этапа жизненного пути личности (“зрелый возраст”), или это характерно для “доперестроечной” генерации. В. Семенова склонна ко второй точке зрения. Она утверждает, что “в целом это поколение значительно более внутренне дифференцировано, фрагментировано по своему социальному опыту как в историческом времени, так и в своем современном состоянии”⁴⁷.

В отношении типичных представителей своего поколения выделяются две специфические оппозиции личностных черт: (не)уверенность в себе и отношение к алкоголю. При этом очевидны востребованные сегодня человеческие качества, обеспечивающие социальную успешность, — уверенность в себе и трезвость.

Частично общим в обоих “портретах” является отношение к прагматизму, но если в своем поколении он противостоит сентиментальности/романтизму, то у современников прагматизм сам по себе обладает двумя крайними полюсами: отрицательным (когда деньги приобретают наивысшую ценность) и положительным (когда социальная успешность по достижении определенного возраста предполагает относительно хорошую зарплату).

Говоря о себе, 40-летние гораздо чаще и с использованием разнообразных синонимов отмечают душевность, которой противопоставляется эгоизм. По всей видимости, и то и другое двояко противостоит официальной, вынужденной коллективности: “мягким” способом (за счет формирования референтных, дружеских, “кухонных”, диссидентских групп и душевных разговоров) или путем “жесткого” открытого индивидуального противостояния официальным социальным институтам.

⁴⁶ Семенова В.В. Указ. Соч. - С. 99.

⁴⁷ Семенова В.В. Указ. Соч. - С. 99.

Аналогичной может быть интерпретация противоречивых патриотических установок: как проявление двойного мышления — с одной стороны, официально-идеологического (отчасти интериоризированного) или отделяющего родину от государства, а, с другой — акцентирующего тоталитарно-бюрократическую повседневную природу СССР.

Важная, не полностью “зеркальная” оппозиция — патерналистские установки представителей “среднего возраста”: их сохранение или утрата, переживание “брошенности” властью. В любом случае люди убеждены в выполнении своей части “социального контракта” с государством и нарушении обязательств последнего. Согласно результатам исследования В. Семеновича, позиционирование своего положения в обществе как “состояние жертвы социальных процессов” (мы те, кто страдал, перенес тяготы, обижен, забыт и т.д.⁴⁸) присуща всем четырем поколениям советских людей — от тех, кто родился в 1920–1940 гг., до родившихся после второй половины 1980-х годов.

Оппозиция “клановость–одиночество”, вновь в ином аспекте подчеркивает конформистскую “внешнюю” принадлежность 40-летних предписанным группам и различные варианты эмиграции (реальной или “внутренней” — в музыку, в сторожа, в религию и т.п.).

И своему поколению, и современникам в равной мере присуща оппозиция: стабильность обретенного социального и профессионального статуса — готовность к переменам, стремление к самореализации.

В силу того, что молодежь зачастую еще не достигла желаемого социального и профессионального положения, у современников более выражена готовность к изменениям. Вместе с тем ушла в прошлое культивировавшаяся в годы застоя “борьба с текучестью кадров” и “летунами”.

Отличительной чертой современного (и, скорее, более молодого) россиянина является готовность к риску, связанному с изменением профессиональной траектории. Такая готовность значительно варьирует в зависимости от пола, возраста, образования, профессионального опыта и здоровья человека и во многом детерминирована “изнутри”, сделанным ранее личностным выбором. Вместе с тем представители различных профессиональных групп сталкиваются с дискриминацией по признаку пола и возраста, проявляемой “извне” — со стороны профессиональных требований и работодателя.

⁴⁸ Семенова В.В. Указ. Соч. - С. 90.

Наконец, нельзя не сказать об отличительных позитивных чертах современников. Здесь, по сравнению с описанием своего поколения, обращает на себя внимание гораздо меньшая детализированность личностных качеств, которые отражают минимально необходимые требования, предъявляемые к партнеру по бизнесу, и касаются межличностных отношений. В частности, называются такие черты, как надежность, честность.

Близка к деловым соображениям и технологически “насыщенная” группа качеств, названная новаторством. Именно приобщенность к технологическим новинкам (с учетом высокой скорости их обновляемости) рассматривается 40-летними как важный признак современности.

Последняя (по перечислению, но не по значимости) группа четко поведенчески артикулированных параметров, скорее, описывает образ жизни состоятельных горожан, нежели устойчивые черты личности (поездки за границу, наличие квартиры, походы в театр, кино...).

Анализ вариантов некой жизненной “миссии” рассматриваемого поколения позволяет обнаружить два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, подавляющее большинство видят себя вне политики и политической активности. Отсуждение от политики отмечается несмотря на все разнообразие “политического анамнеза” — от пацифизма через полную аполитичность до активности на уровне организации; законопослушность, электоральное (не)участие; неприятие современного государства и его критика и даже отчуждение от родины. Кроме того, оно не зависит от типа Я-идентичности опрошенных. Проявления гражданской активности локальны (школа, двор, место работы...): “...я аполитична... я по жизни пацифист. Это мне всегда импонировало, причем в изначальном смысле, а не с глупостями какими-то, не с заморочками политическими... Я не активный гражданин... Я не вижу возможности на что-то повлиять” (женщина, 43 года); “...я очень активный гражданин в своей среде. Я не равнодушна... Поддержу любые начинания. Не глобальные, а то, что меня касается... Родительский комитет в классе... Сейчас ко мне директор пристаёт, чтобы стать председателем родительского комитета школы... В подъезде организовала домофон. Заключила договор, рискнула...” (женщина, 42 года); “...я как гражданин, во-первых... лояльна к своему государству, к его законам. Всегда законопослушна, это принципиально, и всегда так было... Во-вторых, как нормальный гражданин, я должна помогать своему государству в меру своих сил, процветать, существовать...” (женщина, 46 лет); “...за Россию я всегда. Не дай Бог, сейчас начнется война — первым уйду за Россию, а сейчас я не очень активен. Скорее всего,

даже больше пассивный, чем активный... даже не знаю, почему... Может, потому, что пока еще не все ясно. Никто пока ни на кого нападать не собирается” (мужчина, 47 лет); “...родина и государство — совершенно разные понятия. Если перед родиной у меня некая моральная ответственность присутствует, то с государством у меня отношения противоборства... Моя гражданская позиция заключается в том, что я не хочу быть овцой, которую стригут пастухи, не ставя в известность...” (мужчина, 50 лет).

Во-вторых респонденты ощущают себя вне институционализированной религии, с недоверием относятся к церкви как институту, считая, что она занимается коммерческой деятельностью и живет по законам бизнес-структур, использует государственное “покровительство”: “...считаю себя православной, люблю определенные церкви. Но у меня, как у любого человека, должны быть какие-то свои взаимоотношения с Богом. Я считаю, что есть вера, а есть определенные религиозные обряды, институт церкви не очень люблю...” (женщина, 43 года); “...хорошо отношусь к религии, но... Понимаете, я не люблю служащих от религии... Я прихожу в церковь, когда там их практически не видно, и никакие их трактовки мне не нужны. Я прочитала Библию, и как мне Бог преподносит, я так и чувствую” (женщина, 54 года); “...я не являюсь фанатом, хотя считаю, что есть — ну, не Бог, а определенные процессы, которые регулируют нас, которые могут нейтрализовать какие-то поступки. Есть обратная связь — если ты сделал зло, оно к тебе действительно вернется бумерангом...” (женщина, 48 лет); “...я не верующий... есть люди, которые верят в сущность высшую — кто в одну, кто в другую. Каждый имеет право на свою точку зрения, я не возражаю. Я пока просто не верю. Меня в этом смысле немножко напрягает, что надо ребенка крестить. Но, чтобы крестить ребенка, надо, чтобы родители были крещеные, а это уже несколько напрягает... зачем меня тянут силком?” (мужчина, 50 лет); “...не знаю, как сказать. Верующий, не верующий. Но меня в детстве крестили. А так, я отношусь нормально и к православию, и к исламу, и к иудаизму, и к буддизму” (мужчина, 47 лет).

Еще одно проявление негативизма, задающее широкий диапазон жизненных траекторий, описание своего будущего через отрицание (не сойти с ума, не впасть в маразм, не черстветь душой, не потерять здоровье, не остаться без работы, чтобы не было войны, терактов...): “...боюсь быть обузой для родных и близких. Сумасшествия боюсь, маразма старческого” (женщина, 43 года); “...подольше не терять здоровье... не терять интерес к жизни до конца своих дней... страна скатится в закрытое общество, и я не смогу успеть как-то спасти себя и семью от этого” (мужчина, 50 лет); “...хотелось бы дальше не стареть... Не в смысле здоровья, не внешне... Знаете, идеал — это, видимо, такой Манилов: как бы сделать убыточное

хозяйство прибыльным, ничего не меняя...” (женщина, 45 лет); “то, что я хотел бы изменить — это невозможно. А сам я доволен тем, какой я есть...” (мужчина, 43 года).

Своеобразной пассивной жизненной стратегией, основанной на понимании истощенности своего человеческого потенциала в социальном измерении, является ожидание отдыха на пенсии: “...я думаю, что чем ближе к пенсии, тем буду счастливее... мужики очень мало живут...” (мужчина, 43 года); “потихонечку поработать, потихонечку выйти на пенсию, помочь дочке с детками. И вообще хочу тишины и покоя...” (женщина, 52 года).

Иногда пассивно-выжидательная жизненная позиция сопровождается “бегством” из города, “возвращением к природе”, стремлением вести натуральное хозяйство: “...закончить все дела и уйти на пенсию в огород” (мужчина, 43 года); “...уехать на дачу и там жить... Там дом теплый, печка... Жизнь можно. Какая-то скотина, чтобы помогать детям, будут внуки приезжать... довести дачу до ума и в будущем перебраться туда и жизнь спокойно...” (мужчина, 51 год).

К этой позиции примыкает сценарий жизненной паузы, когда семейные и/или профессиональные изменения откладываются (например, из-за состояния здоровья): “...сейчас у меня все замкнулось на моем здоровье... Если у меня будет нормальное здоровье... я думаю, что я еще поживу и, наверное, буду не одна... я постараюсь быть полезной и друзьям, и обществу, и, возможно, самой себе. Сейчас у меня просто такой период ожидания” (женщина, 46 лет).

Очень важным параметром отношения к собственному будущему является управляемость жизни. В зависимости от ее интерпретации выделяются две полярные группы респондентов. Во-первых, это, как правило, женщины, стремящиеся опереться на помощь других людей (прежде всего членов семьи — мужа, детей, внуков...) или общественных структур: “...чтобы был достаток, чтобы муж работал, не потерял работу, чтобы он тоже был здоров. Мы на нем держимся, наша семья... Все зависит от мужа, от его работы, от его поведения... Моя жизнь вся посвящена детям и мужу, поэтому я связываю свои события с ними” (женщина, 52 года); “...все надежды на внушек, что они меня не бросят. Сейчас я с ними, а потом они мне помогут... через 10 лет я вряд ли доживу. Старая, наверное, буду. Может, и из дома выходить не захочется. Так и буду у телевизора сидеть...” (женщина, 51 год); “...я хочу, чтобы к тому времени, когда я начну умирать и не смогу за собой ухаживать, у нас бы была нормальная система социального обеспечения. Я имею в виду надежные, гарантированные системы хосписов и социальные службы, когда я закладываю свою

квартиру в обмен на социальную помощь. Потому что я отдаю себе отчет, что мне все это придется в одиночку перенести, и хотелось бы, чтобы кто-то стакан воды-то подал... боюсь, что у меня не будет денег на наркотики, чтобы уменьшить боль, когда я буду умирать от рака. Больше ничего” (женщина, 48 лет).

Во-вторых, как правило, мужчины, рассчитывающие только на собственные силы для “выживания” в любых условиях, даже при невыполнении государством своих обязательств: “Что бы ни случилось в нашей стране — все равно мы выживем. Так или иначе, мы выживем” (мужчина, 43 года); “...я, по-моему, уже все пережил. Так что, я даже смерти не боюсь. Я сейчас живу своей жизнью и радуюсь, принести радость своей жене, дочке, брату, маме. Я ничего не боюсь. Умру и умру” (мужчина, 47 лет); “...наше поколение уже исключили из пенсионной реформы... государство еще раз напомнило, что о тебе заботиться не будет. Все, что хочешь, ты должен добиваться сам, своими руками. Хочешь, чтобы у тебя была обеспеченная старость — начинай работать” (мужчина, 42 года).

Позитивными направлениями активной личностной самореализации являются:

- Семья (своя и/или детей) — “жить сегодняшним днем... просто жить и работать”; помогать детям, помочь с образованием, способствовать обзаведению семьей, умеречь сына от армии...; создать собственную семью. Часто в описании будущих хороших семейных отношений фигурирует дом или квартира (ее получение, покупка, ремонт и т.п.).

- Профессия, работа — при распространенном переживании “пика” карьеры люди стремятся к профессиональному совершенствованию, систематизации накопленного опыта (в сочетании с выраженным нежеланием двигаться по “административной лестнице”, быть руководителем), рассматривают возможности создания “своего дела”. В случае безработицы (временной или в связи с выходом на пенсию) намерены трудоустроиться для общения, самореализации и заработка: “...работаю для души, для какой-то самодостаточности, для общения” (женщина, 52 года); “...у меня очень большой опыт и хочется его систематизировать не со своей точки зрения, а с научной. Вот сейчас пойду учиться на курсы повышения квалификации. Очень хочу найти себя: работу или какой-то бизнес. И надо, чтобы он приносил мне удовольствие и был со мной до конца” (мужчина, 43 года); “...хотел бы создать какое-то свое оригинальное дело. Чтобы не было аналогичного ни у кого” (мужчина, 47 лет); “работать, чтобы было интересно и чтобы была отдача. На руководящую должность не хочу. Я отбрыкиваюсь, как могу, от заведывания. Я просто люблю быть сама себе хозяйкой, на не чтобы надо мной кто-то командовал и стоял...” (женщина, 48 лет).

- Получение нового знания (опыта). Чаще всего респонденты хотели бы освоить иностранный язык (для саморазвития, путешествий за границу, повышения своего “профессионального капитала”) или Интернет; научиться водить автомобиль. Некоторые не прочь получить профессию медсестры, чтобы оказывать простейшую медицинскую помощь членам семьи. Однако здесь же отмечается, что для освоения подобных профессий (их перечень, наверняка, можно расширить) взрослыми людьми пока не созданы условия.

- Изменение своих личностных черт: “...я очень восприимчив к чужому горю — и это очень мешает. Я бы хотел быть более жестким” (мужчина, 43 года); “...не быть такой инфантильной, как сейчас. Стремиться к чему-то, быть целеустремленной” (женщина, 45 лет); “...наверное, надо быть выдержаннее. Я была раньше более выдержанной. На работе, особенно сейчас, столько отрицательных эмоций, негативной информации...” (женщина, 54 года); “...быть спокойнее, сдержаннее, научиться хотя бы иногда скрывать свои мысли. Потому что иногда говорю что-то нетто, но всегда на мне написано...” (женщина, 45 лет).

- Благотворительность в силу многих причин остается малораспространенным способом самореализации и, видимо, в большей степени является реакцией на обращение за помощью, нежели собственной систематической деятельностью: “...я пассивно ею занимаюсь: ко мне обращаются — я иду навстречу” (женщина, 43 года).

Обратимся теперь к анализу социальных событий, которые респонденты посчитали важными, повлиявшими на их жизнь (табл. 1).

Таблица 1

Значимые социальные события в жизни 40-летних

Высокая значимость (важно для > 50% респондентов)	Средняя значимость (важно для > 20% и < 50% респондентов)
Распад СССР и “путч” (1991)	Приватизация жилья (1992)
Войны в Чечне (1994 и 1999)	Расстрел Дома правительства (1993)
Дефолт и деноминация рубля (1998)	Интернет в России (1990)
Перестройка, М. Горбачева (1985–1991)	Война в Афганистане (1979–1989)
Авария на Чернобыльской АЭС (1986)	Олимпиада в Москве (1980)
Теракты в России (2000–2004)	Полет Ю. Гагарина (1961)
	Продажа валюты населению и загранпаспорта (1991)
	Талоны, карточки на продукты (1990–1992)
	Либерализация цен (1992)
	Смерть Сталина (1953), XX съезд КПСС (1956)

Судя по таблице, более важные, повлиявшие на жизнь респондентов социальные события, находятся во временном диапазоне 1988–2004 гг., тогда как менее значимые отстоят от сегодняшнего дня намного дальше – 1953–1993 гг.

Среди наиболее значимых для 40-летних оказались события, связанные преимущественно с военными действиями, авариями и финансовыми потрясениями. Отчасти эта тенденция характерна и для событий, в меньшей степени признаваемых в качестве очень лично важных (расстрел Дома правительства, война в Афганистане, карточная система, либерализация цен).

В “дальней” исторической перспективе возникают социально позитивные и отчасти идеологические события (Олимпиада в Москве, полет Ю. Гагарина), а в “ближней” – связанные с обретением россиянами экономических и гражданских свобод (приватизация жилья, легализация продажа валюты населению и возможность получить загранпаспорт).

Закрывают список смерть Сталина и XX съезд КПСС, во многом символизирующие смену идеологического и социально-экономического курса страны, прекращение массовых репрессий. (Напомним, что самые старшие наши респонденты родились в 1953 г.).

Существует определенная гендерная специфика значимости социальных событий в недавней российской истории. Так, в среднем мужчины в большей мере “вовлечены” в социум и чаще оценивают большинство событий как значимые применительно к собственной жизни.

Исключениями, более значимыми для женщин, являются перестройка, приватизация жилья, Олимпиада в Москве, введение талонов/карточек на продукты и либерализация цен. Большинство этих событий касается частной жизни и ведения домашнего хозяйства. Видимо, в этом же контексте следует оценивать более высокое значение, приписываемое женщинами перестройке и М.С. Горбачеву, легализовавшему кооперативы, мелкий и средний бизнес.

Более сложные зависимости значимости социальных событий наблюдаются применительно к выделенным типам Я-идентичности 40-летних.

Прежде всего и аутсайдеры⁴⁹, и негативисты усматривают большее количество связей между различными социальными событиями и собственной. Особенно значимыми им представляются распад СССР и путч 1991 г., на них указали 100% аутсайдеров.

Отношение к нему респондентов других Я-идентичностей существенно различается. Так, для хранителей — при некоторой умозрительности оценок (распад СССР уподобляется разводу супругов; украинцы в качестве иностранцев воспринимаются как абсурд) и театрализованности «путча» — эти события закономерны и напрямую не затронули интересы семьи и личности: “...это просто обидно. Если теперь украинец — иностранец, значит, я Мао Цзэдун...” (мужчина, 42 года); “Я голосовала против сохранения Союза. Сейчас я думаю, что, может быть, была не права. Но сама аббревиатура СССР и вообще название Советский Союз меня очень угнетало. И я понимала, что нельзя насильно удержать...” (женщина, 45 лет); “...было непонятно, честно говоря, когда сидишь на работе, а коллеги говорят, что танки двигаются по улицам. Кто-то из моих коллег участвовал в защите, выходил на баррикады. Мы просто не понимали, что и как происходит. Сам распад СССР в явном виде не прозвучал - да, прекратил действие, но все потихонечку само собой распалось” (мужчина, 42 года).

Для достиженцев (особенно москвичей) — это личностно переживаемое событие, от которого напрямую зависят жизненные ценности и профессиональные интересы: “...мы вместе с первым супругом ходили на баррикады... поддержать, там были наши друзья, знакомые. Мы вообще по жизни правые. Мы не левые, мы не коммунисты... Для нас это было очень важно... мы хотели, чтобы был прогресс...” (женщина, 45 лет); “...если бы не было распада СССР, не было путча... у меня не было бы моей работы” (женщина, 48 лет); “...распад СССР на тот момент я не воспринял всерьез. Я был воспитан все-таки в Советском Союзе, и мне не казалось... что такая фигня, как подписание чего-то там этими маловажными людьми в Беловежской пуще, к чему-то серьезному сможет привести, и мои знакомые, родственники на Украине и в Белоруссии вдруг окажутся в другой стране... А вот путч я понимал совершенно серьезно. Мучился, сидя дома, заставлял себя сидеть дома. Понимал, что не могу рисковать семьей - если со мной что-то случится, то семья моя будет без средств к существованию, и заставил себя сидеть дома” (мужчина, 50 лет).

Для аутсайдеров — распад Союза окрашен негативно и связан с ностальгией по социальной защищенности в советские времена: “...это то, что изменило ход жизни во всей

⁴⁹ Подробнее о типах респондентов, образующих разные Я-идентичности, см. в первой части нашей статьи (Человек. 2009. № 1).

стране... Мы все в СССР имели возможность, даже женщины, которые воспитывали ребенка в одиночку, отправить его в сад, в школу, где его худо-бедно накормят... там даже что-то покупали, одевали его. Помогали, материальную помощь оказывали. Она ребенка этого могла вырастить, дать ему образование, как-то его выпустить в жизнь... А сейчас я не могу представить, как мать-одиночка может вырастить ребенка одна. Ей нужно работать, чтобы его кормить. Я не знаю, какое сейчас пособие. Пусть, 2 тысячи. Мне кажется, что оно меньше. Можно на это жить? Нельзя. А ей этого ребенка нужно кормить, одевать, учить. Еще и лечить... Живя в СССР, мы могли получать лекарства бесплатно. Нам врач выписывал бесплатные рецепты для детей... И нельзя сказать, что нас плохо лечили. Ничего подобного. Очень хорошо все было” (женщина, 43 года).

Для негативистов распад СССР и путч — еще одно негативно оцениваемое событие, слабо связанное с собственной жизнью: “...я лично отношусь отрицательно к тому, что СССР распался. А путч — самозахват. Для меня Ельцин — это самозахват власти... Были единые республики, все жили одной большой семьей. А получилось — одни живут там, другие там. Для меня это значимо... Как оно было, так бы пускай и оставалось. Все люди жили хорошо, мирно. Все ездили и туда, и сюда. Не было ни границ, ничего...” (мужчина, 51 год).

Поэтому вновь нельзя согласиться с мнением Б.В. Дубина, что “...из сознания... (поколенческих) групп история... вытеснена; если она и может вернуться, быть сколько-нибудь значимой... (для разных поколений) вместе, то разве что в форме официальной истории, идеологически тенденциозной легенды власти”⁵⁰. Сегменты внутри поколенческих групп (в частности, «среднего возраста») существенно отличаются друг от друга, в том числе своим отношением к российской истории.

Примечательны социальные события, утратившие свою значимость⁵¹ для отдельных типов Я-идентичности. Для achievers — это “либерализация цен 1992 г.”; для outsiders и негативистов — продажа валюты населению и выдача загранпаспортов начиная с 1991 г. для негативистов — война в Афганистане, смерть Сталина (1953) и XX съезд КПСС (1956). Последнее событие в качестве лично значимого не было отмечено ими ни разу.

Значимость войны в Афганистане для негативистов тоже относительно невелика, что особенно контрастирует с мнением хранителей: “Война в Афганистане... Я знаю людей,

⁵⁰ Дубин Б.В. Указ. соч. - С. 76.

⁵¹ В качестве значимых их отметили менее 20% респондентов каждого типа Я-идентичности.

которые через нее прошли. У меня были ребята, которые разгружали в Средней Азии гробы и никогда об этом не вспоминают. В общем, это такой наш позор...И то, что там бросали на поле боя раненых и так далее...И то, когда Сахаров говорил об этом на съезде народных депутатов, а ему кричали: откуда вы это знаете... И председатель общества афганцев, который был без ног, который его клеймил, — мне было страшно неловко...” (женщина, 45 лет).

Поколение “среднего возраста” в условиях радикальных социально-экономических преобразований 1980–1990-х гг. несколько раньше “нормативного” этапа жизни столкнулось с “задачей возраста” (Э. Эриксон), решение которой связано с двумя возможными исходами и обычно приписывается старости⁵².

- Интегративное Я — обретение смысла жизни, готовность к эволюционному саморазвитию, целостное понимание своего Я и вписывание его в широкий социальный контекст. Принятие новых социальных реалий связано с минимизацией усвоенных идеологически-мировоззренческих клише и культивированием у себя терпимости к различиям людей, усилением профессиональных и просемейных ориентаций (с акцентом на последние). Данный вариант характерен для достиженцев и хранителей.

- Разочарование/отчаяние — переживание упущенных жизненных возможностей, “зацикленность” на прошлом, ощущение фрагментированности собственной жизни — исход, присущий аутсайдерам и негативистам.

В любом случае не исключены как утрата интегративной целостности, так и преодоление отчаяния через переживание кризиса, что связано с выраженностью амбивалентных (двойственных, противоречивых) черт поколения.

Обретение личностной целостности на новых основаниях задолго до наступления старости (с “отклонением” от прежнего “жизненного расписания”) не является чем-то уникальным. Даже сравнительно недолгая советская история сформировала, как минимум, три поколения, по выражению У. Джемса, “дважды рожденных” (born twice), т.е. вторично социализируемых, усваивающих новое мировосприятие в зрелом возрасте: “советизированная” интеллигенция (после 1917 г.); “шестидесятники”, (конец 1960-х)⁵³ и

⁵² В концепции Э. Эриксона типовой для “среднего возраста” является оппозиция Generativity vs. Stagnation. Возрастным новообразованием при ее разрешении становится Caring (забота). Именно применительно к этой стадии говорится о переживании “кризиса среднего возраста”.

⁵³ Цит. по: Левада Ю.А. Указ соч., - С. 54.

рассматриваемые нами “40-летние”, чей переход от молодости к зрелости пришелся на первую половину 1990-х годов.

“Средний возраст”, как этап жизненного цикла личности, по мнению В. Прокофьевой, предполагает, что люди этого возраста “...становятся поколением, стоящим у “социального руля”: руководят государством, различными предприятиями и организациями, в целом выполняют созидательную роль в обществе, влияют на его развитие”⁵⁴.

Профессиональная самореализация (при значительном весе материального благополучия) рассматривается 40-летними, скорее, в качестве средства, обеспечивающего семейное благополучие (и заботу о будущем своих детей) и образ жизни, связанный с удовлетворением культурных запросов и полноценным разнообразным отдыхом. Не исключено, что в условиях современного российского крупного города создаются условия для формирования локальных замкнутых стилей жизни, определяющим фактором которых является доход семьи.

Значимой характеристикой жизни россиян “среднего возраста” является их артикуляция через отрицание (“чтобы не было...”). Более того, как уже отмечалось, практически все они проектируют свое будущее вне “большой” политики и институционализированной религии.

Литература

1. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Левады Ю., Шанина Т. – М.: НЛО, 2005. – С. 78.
2. Левада Ю.А. Поколение XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / под ред. Левады Ю., Шанина Т. – М.: НЛО, 2005. – С. 40-41.
3. Прокофьева В.А. Часть 2. Средняя зрелость (от 40 до 60 лет). Гл. 4. Особенности Я-концепции // Психология среднего возраста, старения, смерти / под ред. А.А. Реана. – СПб.: Прайм-Евроник, 2003, – С. 194.

⁵⁴ Прокофьева В.А. Часть 2. Средняя зрелость (от 40 до 60 лет). Гл. 4. Особенности Я-концепции // Психология среднего возраста, старения, смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Евроник, 2003, - С. 194.